

ВЕРА И НЕВЕРИЕ: РЕЛИГИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1920-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Статья посвящена изучению общественного сознания российского крестьянства в период массовой антирелигиозной пропаганды. Из различных источников приводятся данные, свидетельствующие о том, что религиозность в крестьянской среде не только сохраняется, но и происходит ее подъем в 1920-е гг.

Ключевые слова: религиозность, крестьянство, церковь, религиозный подъем, религиозные обычаи и обряды.

К началу 20-х годов XX века относится проведение масштабной кампании по насаждению атеистического мировоззрения. Антирелигиозная пропаганда исподволь проникала в массовое сознание и формировала иные ценностные ориентиры. Безразличие, равнодушие по отношению к церкви и религии утверждалось, прежде всего, среди молодого поколения. В этот период не раз звучали слова о торжестве атеистического мышления. Между тем ревнителям атеизма было весьма непросто разом опрокинуть складывавшиеся веками устои. По словам русского писателя и философа А.А. Зиновьева, выросшего в крестьянской семье, вера и неверие уживались друг с другом в душах отдельных людей [1, с. 59]. О том, что традиции в повседневной жизни деревни были сильны, несмотря на сомнения, вызванные антирелигиозной пропагандой, свидетельствуют многочисленные факты.

Ярко противоречивость отношения крестьян к религии прослеживается среди тех, кто был вовлечен в возникшие в первые годы революции новые формы производственного коллективного хозяйства, включающие в себя и новые формы социального общежития. Революционно меняя уклад жизни, крестьяне не могли с такой же легкостью и быстротой отказаться от духовного опыта предков. Так, в Мало-Азясской коммуне Краснослободского уезда Пензенской губернии, образованной в 1918 г., «почти все женщины ходят по праздникам в церковь, крестят младенцев, хоронят умерших по церковному обряду, во время тяжелых заболеваний вызывают к себе на дом священника и причащаются» [2, с. 162]. По наблюдениям комиссий Пензенского губкома ВКП (б), проводивших обследование пензенской деревни в 1924–1925 гг., у крестьян сохранялся обычай приводить лошадь к храму в день св. Фрола и Лавра, которые считались покровителями этих животных. Респондент объяснял свое поведение «соображениями общественного порядка»: «Случись что с лошастью, будет потом сказывать и укорять, что сдохла она потому, что к церкви ее не подвели...» [3, с. 115]. В другом случае, описанном на страницах пензенской газеты «Передовая деревня» за 1927 год, пожилой крестьянин села Промзино на вопрос зампредгубисполкома «почему поздно сеют озимые», ответил, что «семена были не освящены попом, которые освящаются на второй спас (Преображение), и между прочим, в других волостях Беднодемьяновского уезда на 75 проц. по сказанной причине озимые стали сеять 13–15 сентября» [4. Л. 96]. Попытки насаждения новых культо-

* © Садырова М.Ю., 2010

Садырова Маргарита Юрьевна (ritasadyrova@mail.ru), кафедра новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, 440026, Россия, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37.

вых мероприятий имели переменный успех. Так, в своей работе Л.В. Лебедева приводит содержание письма о праздновании восьмой годовщины Октября, взятого из крестьянской корреспонденции: «Вторым планом говорилось о выборе, который пришлось сделать крестьянам. Проводившиеся советские торжества совпали с обедней. Крестьяне, посетив школу, убранную к празднику, в большинстве своем ушли в церковь» [2, с. 164]. В документах по крестьянскому движению в Саратовской губернии 1917–1922 гг. имеется сведение о том, что крестьяне Синенькой волости Саратовской губернии решили отпраздновать День революции и почтить память павших «борцов за свободу», отслужив панихиду в местной церкви. Участники демонстрации шли с пением революционных песен и похоронного гимна [5, с. 9].

Религиозные верования были сильны не только среди рядовых крестьян, но и среди советских работников. Подтверждение этому находим в сообщениях местной печати: «Совработники... вместо того, чтоб отрешиться от такой ереси, как религия, находятся в цепких когтях религиозного дурмана... В К.-Отдельском комитете взаимопомощи до сих пор не сняты иконы... В с. В.-Чуеве на общем собрании граждан на повестку дня был поставлен вопрос о сборе средств на церковные нужды (в Чуеве недавно сгорела церковь)... у Влад. Чернышова (коммунист) умерла недавно 3-летняя дочь. Последняя была некрещеная... Чернышов... похоронил дочь по «христианскому обычаю»: с крестом на груди... («В лапах религиозного дурмана» // «Голос пахаря». № 27. 5.05.1923. Тамбовская губерния)» [6. Л. 56]. В «Крестьянской газете» (Пенза) за 1926 год отмечалось, что некоторые советские работники считали своим долгом пригласить попов к себе во двор отслужить «молебен за здоровье скотины» [2, с. 164]. По воспоминаниям А.А. Зиновьева, «иногда в доме за столом рядом сидели священник и члены партии. Вся изба была увешана иконами. Порою представители власти сидели на почетном месте под главной иконой» [1, с. 59].

В понимании Н. Росницкого такая характеристика современной стадии развития народной религиозности означает сохранение лишь остаточных явлений в виде обрядности и привычек: «Религия в крестьянстве заметно падает... нет религии, а есть обычаи» [3, с. 117]. Можно согласиться с данным тезисом, но лишь отчасти. Подобные утверждения имели под собой основу и на рубеже XIX–XX вв. Ведь одной из основных характеристик религиозности российского крестьянства традиционно называется «внешняя», то есть обрядовая сторона практики. В силу вышесказанного не представляется возможным говорить о резком падении религиозности в крестьянской среде в 1920-е гг. К тому же имеются все основания утверждать, что именно в это время происходит некое оживление религиозной жизни.

По данным, приведенным в работе Д.В. Поспеловского, по крайней мере, начиная с 1923 года происходит постепенный подъем религиозности в стране. Общее число религиозных общин в российской деревне продолжало возрастать до 1929 г., когда обеспокоенные этим процессом власти перешли к политике массового закрытия церквей. Так, только за период с 1 января по 1 ноября 1925 г. численность православных религиозных общин увеличилась на 9 %, старообрядческих – на 10 %. И в 1927–1928 гг. количество сельских религиозных общин продолжало расти (с 31 678 до 32 539 или на 2,7 % соответственно). Наблюдались также определенные изменения в сторону увеличения удельного веса православия в общей конфессиональной структуре [7, с. 111–112].

Как следует из материалов информотдела ЦК ВКП (б), «... можно отметить некоторое оживление религиозного движения и увеличение активности духовенства. Из неурожайных губерний, а также из губерний, пораженных недородом (Царицынская, Ставропольская, Тамбовская и др.), поступают сведения, указывающие на связь происходящего здесь религиозного движения с неурожаем. Эту связь подтверждают и те формы, которые здесь религиозное движение принимает (крестные ходы по полям, как массовое явление окропление полей водой, ставление крестов и т. д.)» [8. Л. 3].

В частности, административный отдел исполнительного комитета Пензенского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов получил немало ходатайств из епархиального правления о совершении крестных ходов, паломничеств, проведении собраний приходских общин [9. Л. 75, 502, 535, 536, 591, 616, 637, 692, 693]. Согласно информационным сводкам Саратовского губкома, в конце 1920-х гг. в некоторых населенных пунктах губернии выходили «...на молебствия всем селом»; «...в церковь идут толпами, клубы не посещают» [10, с. 96 – 97]. Чрезмерно высоким был и процент выступлений крестьянства, вызванных религиозными мотивами: из 102 зафиксированных по Нижне-Волжскому краю крестьянских выступлений с 25 850 участниками 47 выступлений с 13 180 участниками произошло на религиозной почве [10, с. 98].

Это было время усиленного посещения различных святых мест и особо массовых паломничеств к святым источникам. Так, в сводках из информотдела ЦК ВКП (б), ОГПУ сообщалось: «В селе Зачиншикове Наровчатского уезда в роднике появилась светящаяся икона, которая местными попами была объявлена чудотворной, и около родника начались молебны при стечении большого количества верующих... (Пензенская губерния)» [8. Л. 6]. «Духовенством была устроена торжественная встреча Жадовской иконы, привлекшей массу верующих... (Ульяновская губерния)» [8. Л. 9]. «...Зарегистрирован ряд фактов использования настроений деревни духовенством в виде появления ряда “чудес”, к которым стекаются громадные толпы паломников... “Чудесный” колодец открыт в Тамбовской губернии (был пущен слух, что у колодца “к пастуху явились три иконы”» [8. Л. 15]. В апреле 1928 г. газета «Безбожник» сообщила о «святом колодце» с «чудодейственными камнями», располагавшимися в селе Князевка (Пензенская губерния) и являвшимся местом стечения многих тысяч паломников из окрестных и отдаленных селений [11, с. 543].

По данным С.Г. Струмилина, доля крестьян-мужчин, проигнорировавших обрядовую практику в 1923 г., составляла среди молодежи до 24 лет – 37,4 %, а среди лиц от 25 до 39 лет – всего 28,6 %. Среди обследованных мужчин старше 40 лет и женщин старше 25 лет в 1923 г. вообще не было отказавшихся от исполнения религиозных обрядов [12, с. 267].

О стойкости религиозности свидетельствуют факты негативного отношения сельского населения к использованию церквей для хозяйственных и иных нужд. В частности, Саранский отдел управления докладывал в Пензенский губернский отдел управления: «Население... в своих религиозных учреждениях очень стойко и нужно полагать едва ли индифферентно отнесется к утилизации хотя бы одного храма» [13. Л. 52]. Из донесения Керенского отдела управления следует: «Отношение к утилизации церквей можно сказать будет враждебное, так как прилегающие слободы к городу составляет крестьянское население, которое... ясно будет против утилизации...» [13. Л. 58].

В местной печати встречаются сообщения о том, что «еще крепко сидел в крестьянстве религиозный дурман... («Трудовая правда». 29.10.1927 г. Плесо, Мокшанской волости Пензенского уезда» [4. Л. 106], «религия в селе еще живет здесь довольно прочно... («Трудовая правда». № 266. 22.11.1927 г. Село Атмис Н.-Ломовского уезда)» [4. Л. 130].

По мнению О.А. Сухой, крестьянское «бегство в религию» начала 1920-х гг. «было защитной реакцией на кризисность бытия, которая привела к укреплению общинных начал и прежде всего социально-регулятивной функции мирской организации. А последнее в свою очередь, предопределило возрастание значения такой системы духовно-нравственного контроля, как православие, покоившегося на безграничной вере крестьян во всемогущество Божие» [11, с. 544]. Необходимо отметить и то обстоятельство, что в условиях смягчения репрессивной политики государства в отношении Русской Православной церкви в период нэпа реактуализация религиозных

настроений будет неизбежна по причине стойкости традиционных установок общественного сознания. Это в немалой степени способствовало оживлению церковной жизни. Так продолжалось вплоть до того времени, когда страну захлестнула новая волна гонений, связанная с начавшимся процессом коллективизации.

Библиографический список

1. Зиновьев А.А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 1999. 506 с.
2. Лебедева Л.В. Повседневная жизнь российской деревни в 20-е годы XX века: традиции и перемены (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук; 07.00.02; защищена 1.03.06 / Пенз. гос. педагог. ун-т. Пенза, 2006. 256 с.
3. Росницкий Н. Лицо деревни: по материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М.; Л., 1926. 128 с.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. п. 36. Оп. 1. Д. 1656.
5. Крестьянское движение в Саратовской губернии 1917–1922 гг.: сборник документов и материалов / автор-составитель А. Г. Рыбков. Саратов: Надежда. 2003. 88 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 106.
7. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
8. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 121.
9. ГАПО. Ф. Р.-342. Оп. 1. Д. 111.
10. Кодылев А.В. О религиозности крестьянства в первые годы Советской власти // Вопросы крестьяноведения; Саратов: Издательство Саратовской сельскохозяйственной академии, 1994. Вып. I. С. 95–99.
11. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 679 с.
12. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Госполитиздат, 1957. 733 с.
13. ГАПО. Ф. Р.-2. Оп. 4. Д. 170.

*M.Y. Sadyrova**

BELIEF AND DISBELIEF: RELIGION IN THE DAILY LIFE OF THE RUSSIAN PEASANTRY IN THE 1920-IES (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE MIDDLE POVOLZHYE REGION)

The article is devoted to the study of the Russian peasantry's public consciousness during the period of the mass anti-religious advocacy. From different sources the data is given which give evidence that the religiousness in the peasant environment not only retain but the origin of its development was observed in the 1920-ies.

Key words: religiousness, peasantry, church, religious development, religious customs and rites.

* *Sadyrova Margarita Yurievna* (ritasadyrova@mail.ru), the Dept. of Modern History of Russia and Local History, Penza State Pedagogical University V.G. Belinskiy by name, Penza, 42006, Russia.